

Воскресенье, 17 января 1910 г.

№ 15 Двадцатый год, № 15

Воскресенье, 17 января 1910 г.

Редакция газеты помещ. в Ростове на-Дону, на Большой Садовой улице, в собств. доме.

Редакция для явки, объявл. откр. отъ 12 до 2 ч. для Статьи должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора. Принятая статьи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными. Мелкія замѣтки уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяць. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакция на себя не принимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Привозскій Край“ отъ лицъ, фирмъ и учреждений, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Привислянскомъ край и за границею, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома „Л. и Э. Метцель и Ко“ въ Москвѣ, въ домѣ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ С.-Петербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краковскоо пром., № 58,—по таксам: полнаго текста по 12 к., а впереди текста по 25 к. за строку полнаго или занимаемою мѣсто.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой, городскими и иногородними почтовыми:

12 м.—9 р.—к.	8 м.—6 р. 50 к.	4 м.—3 р. 50 к.
11 м.—8 р. 50 к.	7 м.—5 р. 75 к.	3 м.—2 р. 75 к.
10 м.—8 р.—к.	6 м.—5 р.—к.	2 м.—2 р.—к.
9 м.—7 р. 25 к.	5 м.—4 р. 25 к.	1 м.—1 р.—к.

За перемѣну адреса 25 коп.
За пересылку загранич. почтоу. 60 к. ежемесячно.

Подписка принимается только съ каждаго 1 числа и не далѣе конца года.

За объявленія: за строку, занимаемую полнотомъ черной типографіи 20 к., впереди текста—10 к.

При многократн. вѣщаніяхъ—сНИЖКА ПО СОГЛАШЕНІЮ.
За рисунокъ, занимаемый при газетѣ—8 р. отъ каждаго тиража.
Главная контора помещается въ Роставѣ на-Дону, на Бол. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 7 ч. вечера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.
Отдѣльные номера въ Роставѣ ад. и въ отдѣленіяхъ—5 к.
Телефонъ конторы № 240.

Памяти А. П. Чехова.

О Чеховѣ.

(Къ 50-лѣтію со дня рожденія его).
Чеховскій день, чеховская годовщина.
Прошло 50 лѣтъ со дня рожденія великаго пѣвца русскаго безвременья. Только 50 лѣтъ! А между тѣмъ вѣночекъ сегоднешняго чествованія уже пять лѣтъ лежитъ на кладбищѣ московскаго Ново-дѣвичьяго монастыря.

Умереть въ 45 лѣтъ, въ расцвѣтѣ славы, таланта, творческихъ силъ, такъ щедро отпущенныхъ ему природой; умереть въ то время, когда на Чехова смотрѣли, какъ на учителя жизни, какъ на великую оперу въ томъ общерусскомъ шатаніи, которое уже служило предвѣстиемъ великой грозы. Это былъ жестокий ударъ для русской литературы, для всего русскаго общества.

Отъ Чехова ждали многого, и онъ, несомнѣнно, многое еще могъ дать. И въ дни сомнѣній и колебаній, которыми была охвачена русская жизнь, начиная съ 1904 года, намъ больше всего нуженъ былъ Чеховъ, спокойный, независимый, самостоятельный, съ его большимъ умомъ, съ его чуткостью и пониманіемъ жизни.

И четыре года тому назадъ, и теперь мы испытываемъ странное, болѣзненное ощущеніе:

— Нѣтъ настоящихъ словъ.

Говорятъ, не не то, что хотѣлось бы слышать или, вѣрнѣе, что смутно, въ колебаніяхъ, сознали мы сами. Это похоже на то мучительное состояніе, когда человѣкъ, лишенный рѣчи, не можетъ высказать своего самаго необходимаго въ данный моментъ желанія. Ему предлагаютъ и то, и это, но главнаго не говорить, и онъ только качаетъ головой и отмахивается — не то, не то.

Отъ Чехова можно было ждать настоящихъ словъ. Вѣдь помимо огромнаго таланта у него былъ здоровый, ясный умъ и чуткая душа. Въ немъ не было ни тенденціозности, ни партійности, которыя такъ часто затмеваютъ истину, ни колебаній между правой и лѣвой сторонами, заставляющихъ сегодня говорить одно, а завтра другое. Онъ твердо шелъ впередъ ясно сознаннымъ путемъ; онъ былъ не боецъ и не проповѣдникъ, а просто художникъ-человѣкъ въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. По-человѣчески смотрѣлъ на жизнь, которая не есть заученный урокъ или строго опредѣленная программа, а великая, стихійная сила, движущаяся своими неведомыми путями. Любилъ по-человѣчески, глубоко и искренно, и враговъ, если они были, судилъ широкимъ человѣческимъ сердцемъ.

И такого человѣка-художника вырвала у насъ, точно сѣлся надъ нами, на 15 году жизни, такая то сѣлая темная сила.

Глубокая печаль не забывается скоро.

Пять съ лишнимъ лѣтъ прошло, какъ умеръ Чеховъ, а намъ все кажется, что мы похоронили его вчера, и свѣжи еще въ памяти его слова, и таятъ насъ по-прежнему къ его книгамъ, и порой не вѣрится, что мы не услышимъ его голоса.

А когда вспомнишь, что его уже нѣтъ, еще больше любишь его, любишь эту великую духовную красоту, которая прожглась надъ несчастной русской жизнью тихимъ милосерднымъ свѣтомъ, оплакала

ее, освѣтила, сплела для нея прекрасныя вѣнки изъ печальныхъ, ласковыхъ словъ и улетѣла.

Мнѣ часто думается: что бы мы были безъ Чехова? Вѣдь то, что онъ сдѣлалъ для насъ своими простыми, теплыми, нѣжными, правдивыми рѣчами, — неисчислимо. Онъ только о томъ и думалъ, что бы поднять и возвысить насъ, только то и дѣлалъ, что облагораживалъ и будилъ ласковыми и печальными словами наши темныя, дремлющія души.

Какъ добрый другъ, какъ свѣтлый гонимый, онъ подходилъ къ каждому и говорилъ ему то, что больше всего нужно было его душѣ. Не осыпалъ укорами, не металъ громовъ негодованія, а приходилъ съ тихими, милосердными словами.

Жизнь была, какъ дремучій лѣсъ, и люди путались въ ней, какъ слѣпыя, а онъ освѣщалъ ее тихимъ и ровнымъ свѣтомъ и говорилъ о красотѣ страданія, о томъ свѣтлѣмъ будущемъ, которое родится изъ нашихъ слезъ.

Человѣкъ злобно носился на человѣка, и что то злѣе было въ отношеніяхъ людей, а онъ говорилъ о примиреніи, о правдѣ и справедливости на землѣ:

«И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью...» («Въ оврагѣ», V, 100).

Падали надежды, обрывались мечты, отчаяніе входило въ душу, а Чеховъ говорилъ:

— Не плачь, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа. Пойдемъ со мной! Мы создадимъ новую жизнь, ты увидишь ее, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ... пойдемъ! («Вишневый садъ»).

Въ темный уголъ бросала жизнь и казалось, что все уже кончено выхода нѣтъ, остается только озлобленно и ненавистно думать о своихъ неудачахъ, а Чеховъ шепталъ:

— Богъ сжалятся надъ нами, и мы увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, мы обрадуемся и на теперешніе наши несчастія оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой — и отдохнемъ... («Дядя Ваня»).

Какъ ангелъ-утѣшитель шепталъ Чеховъ тихія, ласковыя рѣчи, милосердіемъ унималъ наши боли, и становилось легче, хотя попрежнему была бѣдна и темна жизнь, и вѣрилось вмѣстѣ съ Чеховымъ, что будущее исцѣлитъ наши вѣдуги и мы увидимъ новую жизнь и отдохнемъ.

Куда звалъ насъ Чеховъ? Къ правдѣ, къ справедливости, къ установленію царства любви и милосердія на землѣ.

Это его религія, это его заветы будущимъ поколѣніямъ.

Мы еще слишкомъ мало знаемъ Чехова. Мы его только читаемъ, но не изучаемъ: мы не прониклись еще его чувствами, мыслями, настроеніями, но Богъ дастъ проникнемъ, изучимъ и узнаемъ. Уже и теперь чувствуется, что легкая муть забвенія, которою скучано было имя Чехова въ первые три года послѣ его смерти, проходить, и мы цѣпнулись къ Чехову, какъ больной ребенокъ къ матери, и смотримъ на него съ любовью, и слушаемъ его, и проникаемся имъ.

У насъ должны создаться чеховскіе кружки для распространенія идей Чехова. Объединяться во имя Чехова, пестить въ жизнь чеховскіе заветы, красоту его словъ, мыслей и настроеній, — что можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе этого!

«Надо, чтобы за дверью каждого добродѣтельнаго, счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные», — говоритъ Чеховъ въ «Крыжовникѣ».

А мнѣ хочется сказать его словами:

— Надо, чтобы за дверью каждого стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и напоминалъ стукомъ о Чеховѣ, о тѣхъ великихъ сокровищахъ духовной красоты, которыя онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ.

Теперь тянутся къ Чехову только знающіе его, а сколько незнающихъ, которые могутъ быть, только слышали о немъ, да и то мало. А нужно, чтобы о немъ знали всѣ, ибо онъ, какъ тихое, ласковое пламя очищаетъ отъ жизненныхъ наслосовъ наши души, дѣлаетъ ихъ свѣтлѣе и лучше.

— Будемъ творить въ жизни красоту Чехова! — вотъ что должны написать неизгладимыми знаками въ своемъ сознаніи каждый, кто любитъ Чехова и идетъ по его пути.

Эти строки о Чеховѣ мнѣ хочется закончить небольшимъ, но бережно хранимымъ воспоминаніемъ, оставшимся у меня отъ посѣщенія могилы А. П. Чехова.

— Это было вѣкорѣ послѣ погребенія его — 15 іюля 1904 года.

Направляясь съ юга въ Петербургъ, я остановился на сутки въ Москвѣ и прежде всего меня потянуло въ Ново-дѣвичій монастырь, на свѣжую могилу дорогого писателя.

Ново-дѣвичій монастырь — прелестный уголокъ Москвы. Здѣсь какъ-то необычайно уютно, просторно, покойно; ни шума, ни грохота — вѣчныхъ спутниковъ большого города, все это осталось тамъ, позади, а здѣсь — тихо-тихо. Яркая зелень деревьевъ и газоновъ ласкаетъ глаза. За высокой монастырской оградой съ зубчатыми башенками стоитъ громадная колокольня, церковь, монастырскія зданія.

Входите въ ворота. Во дворѣ — деревья, зелень, цвѣты. Вокругъ главной церкви, въ саду, кладбище: памятники, кресты, могильныя плиты, роскошныя и убогія, вычурно-украшенные и простыя; вѣнки на крестахъ и пьедесталахъ и цвѣты, цвѣты.

Среди лѣса крестовъ и памятниковъ трудно было отыскать скромную могилу Чехова. Мнѣ указали ее монахини. Она находится въ западной части кладбища, рядомъ съ могилой отца покойнаго писателя.

Я подошелъ. Бросилась въ глаза масса вѣнковъ изъ зелени, спаленныхъ на сѣнѣхъ могила и обреченныхъ на медленное увяданіе.

Вотъ она, дорогая могила. Скромная, незамѣтная. Маленькій холмикъ, обложенный дерномъ, простой бѣлый крестъ съ краткой надписью о времени рожденія и смерти Чехова; на крестѣ — удивительный вѣнокъ и образъ Серафима Саровскаго, передъ нимъ тихо течетъ

лампадка. На могилѣ, на свѣжемъ дернѣ, покрытомъ сверху пальмовыми листьями, стоятъ нѣсколько вазочекъ съ цвѣтами; тутъ же разсыпанный букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и вѣнокъ изъ синихъ волошекъ и колоосевъ созрѣвающей ржи. Вѣнокъ не оконченъ, еще много можно было бы вилести въ него цвѣтовъ, и это какъ-то трогательно напомнило о томъ, что безпощадная смерть слишкомъ рано вырвала творческое перо изъ рукъ писателя и вѣнокъ его чудныхъ твореній остался неоконченнымъ.

Внизу, вокругъ могилы, влажный, золотистый песокъ, а вверху надъ крестомъ, широкимъ шатромъ нависла старая липа, стоящая тутъ же, въ двухъ шагахъ.

Липа укрывала могилу густою тѣнью и солнечный свѣтъ проникаетъ сквозь листву ярко золотыми пятнами. Липа вся въ цвѣту, пряный ароматъ ея смѣшивается съ запахомъ умирающей зелени вѣнковъ и казалось, что надъ могилой дымятся невидимыя кадильницы и льется изъ нихъ кругомъ тихое благоуханіе.

Я долго пробылъ тогда у могилы Чехова. Свѣжа еще была великая утрата и какъ-то особенно больно ощущалась она здѣсь, у могилы писателя.

Падалъ на землю тихій, прохладный вечеръ, заволакивая сплошной тѣнью монастырское кладбище, и сильнѣе въ вечерней прохладѣ дышали ароматами цвѣтущая липа, вянуціе вѣнки и цвѣты на соседнихъ могилахъ.

Не хотѣлось уходить отсюда, — какъ то грустно-хорошо было здѣсь, у могилы дорогого писателя. И не одинъ я былъ тамъ. При мнѣ прошла цѣлая вереница разнородныхъ посѣтителей, по большей части скромныхъ, какъ и тѣ герои, которыхъ изображалъ Чеховъ.

Проходятъ, склоняются передъ крестомъ и долго стоятъ, опечаленные, какъ надъ могилой близкаго, дорогого человѣка. Иные берутъ на память цвѣтокъ, вѣточку, пальмовый листочекъ съ могилы и уходятъ. И хранить, должно быть, эти листочки долго, долго...

Теперь надъ могилой Чехова стоитъ уже памятникъ, но она вспоминается мнѣ такою, какъ я видѣлъ ее тогда — съ линовымъ цвѣтомъ, вѣнками и бѣлымъ крестомъ.

Уходилъ я изъ Ново-дѣвичьяго монастыря, помню, въ какомъ-то особенномъ настроеніи, словно меня коснулось что-то возвышенное и чистое, и тихо плыль за мною вечерній звонъ...

Человѣкъ умираетъ, а послѣ него остаются его дѣла.

Дѣло Чехова — въ любви и милосердіи, въ правдѣ и красотѣ.

Будемъ же творить въ жизни красоту Чехова — въ память его!

П. С.

